

Это совпадение в судьбе литературных памятников, переписанных Ефросином, весьма знаменательно. Сборники Ефросина сложились в последней четверти XV в. и носят на себе характерные черты этого времени. Они не вполне одиноки среди рукописной традиции конца XV в. Известное сходство со сборниками Ефросина обнаруживают, например, сборники БАН, 4.3.15 и ГБЛ, Муз. 3271. Оба эти сборника весьма пестры по своему составу; они содержат много церковно-полюемических статей, но наряду с ними и ряд статей, свидетельствующих о любознательности и светских интересах книгописцев. Так, в сборнике БАН читаются «странные притчи», подобные тем, которые помещал Ефросин («твой отец — мой отец, тебе дед, а мне муж...» и т. д.), рассуждение «первую чашу испити — здравию...», «библиографическая» запись об Оригене, Птолеме и других «книголюбцах», апокрифы, заметки географического и исторического характера и т. д.;²⁴⁰ в сборнике Муз. 3271, во многом совпадающем с БАН, 4.3.15, наряду с историческими, географическими, пасхально-астрономическими заметками помещены также отрывки из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.²⁴¹ Еще ближе к ефросиновским сборникам сборник ГБЛ, Рум. 358. Здесь читаются и «естественно-научные» статьи, знакомые нам по сборникам Ефросина, — «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах» и т. д., «От колих частей Адам создан...», и исторические отрывки и апокрифы («О исповедании Евгине»), и, наконец, «Повесть о Дракуле».²⁴² При этом, судя по тексту «Повести о Дракуле», отличному от текста КБ-11, мы можем говорить здесь не о непосредственном влиянии Ефросина, а именно о принадлежности сборника Рум. 358 к тому же типу рукописей, что и сборник Ефросина. Отражая определенное направление в книгописании XV в., сборники Ефросина отличаются от остальных сборников более последовательно выраженным светским («научным» и литературным) характером, а также тем, что в ефросиновских сборниках (из которых только КБ-11 относится к началу 90-х годов, а все остальные — более ранние по времени) не получила отражения религиозно-общественная борьба конца XV в. (между тем как в БАН, 4.3.15 приведены фрагменты из локаяния еретика Дениса и сочинения еретика Федора Курицына; в ГБЛ, Муз. 3271 — ряд противоеретических сочинений, включая рассказ об испанской инквизиции).

Не позволяя причислить их создателя к какой-либо определенной группе конца XV в., ефросиновские сборники дают основание видеть в нем представителя того широкого направления в русской общественной мысли и литературе этого периода, которое мы можем назвать светским направлением. Характерным представителем этого же направления был, например, Афанасий Никитин. Как и Ефросин, Афанасий Никитин едва ли был еретиком и едва ли даже знал о существовании ереси на Руси (только зарождавшейся в период его отправления в путешествие); как и Ефросин, он отличался прежде всего разнообразными интересами

²⁴⁰ Описание сборника БАН, 4.3.15 см. в книге: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 386—388.

²⁴¹ Описание сборника ГБЛ, Муз. 3271 см.: А. Д. Седельников. Рассказ 1490 г. об инквизиции. — Труды Комиссии по древнерусской литературе АН СССР, I. Л., 1932, стр. 36—46. Ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 388—389.

²⁴² Ср.: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 508—513; Ф. Буслаяев. Историческая хрестоматия..., стлб. 695—710; А. В. Марков. Памятники старой русской литературы, вып. 1. Тифлис, 1914, стр. 3—6 (замечания составителя сборника о «мятеже» от «неосмысленных мужей А. В. Марков без достаточных оснований толкует как доказательство противоеретического характера сборника).